

ПОЛЬСКИЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ БЕЛОСТОТЧИНЫ

(на материале периодических изданий)

При исследовании языковых контактов одной из важнейших задач является обнаружение интерференции. Изучение материала периодических изданий Белорусского общественно-культурного общества в Белостоке (ПНР) показало, что их тексты включают значительное количество польских сегментов (морфем, слов, синтаксических конструкций), которые зафиксированы графическими средствами белорусского языка.

Польские фонетические элементы — это слова, сохраняющие характерные черты польской фонетики. Наличие таких черт является основным доказательством польского происхождения данного слова. Однако это доказательство не абсолютное, так как иногда следует считаться с возможностью польской стилизации белорусского слова.

Польских фонетических элементов в белорусском языке данной территории сравнительно много. Но степень их употребления далеко не одинакова. Например, одни элементы польской фонетической системы отмечаются в большей части лексем, другие — в отдельных случаях; одни охватывают большую, другие меньшую диалектную территорию. Самое большое количество их наблюдается в языке жителей деревень Белостотчины и особенно в народном творчестве.

Если в основу деления польских фонетических элементов на группы положить характерные для польского языка фонетические особенности, то групп может быть столько, сколько таких особенностей. На самом деле этих групп будет меньше, так как, во-первых, не все характерные для польской фонетической системы черты отражены в лексике данного населения, во-вторых, некоторые из них подвергаются фонетической субституции, почти сплошной в словах, успевших ассимилироваться.

Чаще всего в белорусском языке Белостотчины встречаются следующие характерные для польского языка фонетические признаки: 1) произношение [o] на месте белорусского [a]; 2) произношение [e] на месте белорусского [a]; 3) рефлексы носовых гласных; 4) рефлексы *tort, tolt, tert, telt*; 5) место ударения.

1. **Произношение [o] на месте белорусского [a]** в языке жителей Белостотчины встречается очень часто. Это, конечно, влияние польского языка, хотя в некоторых случаях несомненно влияет и украинский язык, так как на юге данной территории локализуются переходные говоры белорусско-украинского типа. Однако то обстоятельство, что произношение [o] на месте белорусского [a] наблюдается на территории Польши, свидетельствует в пользу польского языкового влияния. Анализируя это фонетическое явление, нельзя сбрасывать со счетов и возможное диалектное влияние. Известно, что на юге и юго-западе Белоруссии имеются говоры со слабовыраженным аканьем, в которых безударное этимологическое [o], особенно на конце слова, произносится не как [a], а как [o]. Диалектное влияние, таким образом, стимулирует более полное проявление польского влияния.

2. **Произношение [e] на месте белорусского [a]**. Здесь также различаем два случая.

1) [e] в безударном положении:

а) в словах, общих для польского и белорусского языков¹: *веселе* — из народной песни: *На сіроцке в е с е л е* (Бк., 1976, с. 110); *веселе* — бел. *вяселле*, пл. *wesele*; *лещына* — из народной песни: *А ў ножках зелёнй л е ш ч ы н у* (Н., 1974, № 13, с. 5); *лещына* — бел. *ляшчына*, рус. *лещина*, пл. *leszczyna*; *вечыстая* — из стихотворения А. Барского: *І заспяваем в е ч ы с т у ю п е с н ю ў матчынай лаве* (Б., 1971, № 2, с. 33); *вечыстая* — бел. *вяхыстая*, рус. *вечная*, пл. *wieczysta*;

б) в словах белорусских, имеющих лишь польские фонетические чер-

ты: *несці* — из народной песни: *Маладую дзеўчынючку хараніць не суць* (Бк., 1974, с. 93); *несці* — бел. *нясці*, рус. *нести*, п.л. *nieść*; *везці* — из обрядовой песни: *Ясенко едзе, а мне дары везуць* (Н., 1977, № 50, с. 5); *везці* — бел. *вязці*, рус. *везти*, п.л. *wieźć*;

2) [e] в словах, где под влиянием польского переместилось ударение на данный слог. Это явление замечаем в словах, общих для польского и белорусского языков: *чэму* — из народной песни: *Чэму ты не хочеш* (Бк., 1976, с. 116); *чэму* — бел. *чаму*, рус. *почему*, п.л. *szemi*; *его* — из народной песни: *Я до его не пайду* (Бк., 1976, с. 114); *его* — бел. *яго*, рус. *его*, п.л. *jego*; *ешчэ* — из народной песни: *А, ей богу, дальбог, ажанюсе ешчэ* (Бк., 1974, с. 99); *ешчэ* — бел. *яшчэ*, рус. *ещё*, п.л. *jeszcze*; *занеслі* — из народной песни: *Як занеслі на магільні — дрознула зямля* (Бк., 1974, с. 94); *занеслі* — бел. *заняслі*, рус. *занесли*, п.л. *zanieśli*.

3. Рефлексы носовых гласных отмечаются в заимствованных словах: *вантроба* — из стихотворения Я. Чыквина: *Цёплая в ан тр о б а упала ў міску* (Н., 1974, № 14, с. 3); *вантроба* — бел. *вантробы*, п.л. *wątroba* — в значении 'печень'; *мандрэйшы* — из газетной статьи: *Сто раз м ан д р э й ш ы сталі ўнукі* (Н., 1974, № 27, с. 3); *мандрэйшы* — бел. *мудрэйшыя*, рус. *мудрее*, п.л. *mądrzejsze*; *свенцоная* — из газетной статьи: *Пасыпаючы збожжам і кропячы с вен ц о н а й в адою* (Н., 1974, № 15, с. 5); *свенцоная* — бел. *свэшчэнная*, рус. *священная*, здесь — святая вода, п.л. *święciana*; *масенжныя* — из статьи М. Гайдука: *Прыносілі пераважна п а л а м а н ы м а с е н ж н ы я к л ы м к і* (Бк., 1982, с. 157); *масенжныя* — бел. *масляжовыя*, п.л. *masiężne*.

4. Наблюдаются также польские рефлексы *tort, tolt, tert, telt* в заимствованиях, например: *хлопы* — из газетной статьи: *Хлопы робяць гвядзды* (Н., 1974, № 1, с. 6); *хлопы* — бел. *халопы*, рус. *холопы*, п.л. *chlory*. Следует подчеркнуть, что слова, в которых встречается данное рефлексы, являются лексическими заимствованиями (вместе со словом, естественно, заимствуется и его фонетический состав). Они требуют специального анализа и в данной статье не рассматриваются.

5. В большинстве выше упомянутых слов сохраняется характерное для польского языка ударение на предпоследнем слоге. Перенос ударения выступает, как правило, наряду с другими изменениями в слове. В качестве примеров можно привести: *собе* — из народной песни: *Пошукай с о б е* (Н., 1974, № 22, с. 5); *собе* — бел. *сабё*, рус. *себё*, п.л. *sobie*; *тобе* — из народной песни: *Чы не жаль т о б е, м л о д а М а н е ч к о, ш т о к о с у р а с п у с ц і л а* (Бк., 1978, с. 108); *тобе* — бел. *табё*, рус. *тебё*, п.л. *tobie*; *кожух* — из народной песни: *Ў жоўты ко ж у х а к р у ц і л а с ь* (Бк., 1974, с. 97); *кожух* — бел. *кажўх*, рус. *кожу́х*, п.л. *kóżuch*; *каракулёвыя* — из статьи М. Сухожебрекого: *Модніцы, хваляцца к а р а к у л ь в ы м і ф у т р а м і* (Бк., 1975, с. 201); *каракулёвыя* — бел. *каракулевыя*, рус. *каракулевыя*, п.л. *karakulowe*; *сво́я* — из народной песни: *То для с в о е й ж о н к і* (Бк., 1977, с. 114); *сво́я* — бел. *свая*, рус. *сво́я*, п.л. *swój*a; *цебе* — из народной песни: *Ц ё б е в е р н е я л о б л ю* (Н., 1979, № 49, с. 4); *цебе* — бел. *цябё*, рус. *тебя́*, п.л. *ciębie*.

Классификация польских фонетических элементов по указанным группам имеет, естественно, условный характер, поскольку слова или выражения только с одной польской языковой чертой встречаются редко. Чаще бывает так, что в одном и том же слове или выражении таких особенностей наблюдается несколько.

Сопоставление фонетических особенностей белорусского языка Белоруссии позволяет сделать вывод, что на данной территории белорусские лексемы часто выступают в польском фонетическом оформлении. Так, некоторые характерные для белорусского языка полногласные формы заменяются неполногласными, наблюдается наличие носовых гласных *o<g, e<g* на месте белорусских *у, а*. Белорусский безударный гласный [а] часто заменяется гласными [о], [е]. Свойственное польскому языку ударение на предпоследнем слоге сохраняется в большей части приве-

денных нами слов. Следует отметить, что степень освоенности польских фонетических заимствований в белорусском языке данной территории значительна.

¹ В статье употребляются следующие сокращенные названия источников: Н — газета «Нива»; Бк — «Беларускі календар»; Б — литературный альманах «Белавесжа».

Е. Е. ЛИСОВСКАЯ

К ВОПРОСУ О СИНТАКСИЧЕСКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ СЛОВА *это*

При вхождении высказываний со значением темы в состав предложения неизбежно возникает вопрос о синтаксических средствах такого включения, в частности, вопрос о том, как квалифицировать слово *это*, которое чаще других выступает в подобной функции. Наиболее распространена трактовка *это* в данной роли как связки.

В представленных в лингвистической литературе взглядах на проблему связки (объем этого понятия, функции связок) можно выделить два основных направления. Первое — узкое толкование связки как глагольного слова, служащего для выражения модально-временных отношений в составном именном сказуемом, вплоть до выделения связки в особый морфологический класс служебных слов¹. Второе направление — расширенное толкование связки. Вот как определяет связку «Русская грамматика»: «Связка — это оторвавшаяся от парадигмы местоименного слова или глагола служебная словоформа, функцией которой является дополнительное указание на синтаксические отношения между компонентами предложения»². При таком понимании к связкам относятся слова не только глагольного происхождения. Наряду с *это* к связкам следует причислять, например, и местоимение *оно*, которое часто выполняет функцию, аналогичную *это*, в силу чего они становятся взаимозаменяемы: *Думать, оно всегда полезно, даже хорошему и избалованному* (Н. Леонов). Ср.: *Думать — это всегда полезно. Работал я много, без выходных, но зато вечер — это уже мой* (Литературная газета, 1983, № 20). Ср.: *Вечер, он мой*. В результате добавления к глагольным связкам неглагольных границы связки как морфологического класса слов размываются, становятся неопределенными.

Существуют попытки «разграничивать» понятие категории копулятивности, сущность которой заключается в «связывании» знаменательных компонентов, и понятие синтаксической связки, назначение которой состоит в вербализации присвязочного члена»³.

Связка — обязательный компонент составного именного сказуемого. Отсутствие связки тоже значимо, оно служит показателем настоящего времени. Наличие же слова *это* факультативно. Оно может быть опущено, что свидетельствует о его особой роли в предложении, отличной от роли глагольной связки. Например: *Существительное — это изображение. Глагол — действие* (В. Катаев).

Но есть случаи, когда *это* в структуре предложения обязательно, когда оно конструктивно необходимо. Это примеры типа: *План это план, а также: Ложь — это было непростительно. Ложь — это будет непростительно. Ложь — это было бы непростительно*.

Единственно возможным средством связи является *это* в конструкциях, где на месте сказуемого стоит целая предикативная единица, оформленная в виде придаточного предложения: *Не первый увиденный грех весной самое главное, не скворец, а главное — это чтобы нога твоя встретила с землей; Поэзия — это чем люди живут и чего они хотят, но не знают, не ведают, и что надо им показать, как слепым* (М. Пришвин). В последнем примере возможна и связка *есть*, но обязательно с местоименным словом, служащим опорным компонентом, к которому присоединяется придаточная часть: *Поэзия есть то, чем люди живут...*